

RU

Повесть Л. Н. Толстого «Смерть Ивана Ильича» в контексте религиозного синкретизма (христианства, индуизма и буддизма)

Кумар Анураг

Аннотация. Цель исследования заключается в выявлении особенностей душевного состояния героя повести «Смерть Ивана Ильича» в «пороговой» ситуации перехода от земной привязанности к смерти. В статье устанавливается и раскрывается религиозная основа, послужившая Л. Н. Толстому ценностной точкой зрения в описании внутренней трансформации героя перед смертью. Научная новизна состоит в том, что впервые освобождение героя от страха смерти осмыслено в контексте двух религиозно-философских традиций, русской и индийской. В результате исследования, во-первых, установлено, что Л. Н. Толстой при решении танатологической проблемы обращается к ветхо- и новозаветному опыту понимания смерти как преображения, а также к духовным практикам индуизма и буддизма, в свете которых смерть воспринимается как освобождение. Во-вторых, определены конкретные источники, которые повлияли на концептуализацию Л. Н. Толстым смерти: это «Огласительное слово Иоанна Златоуста» об онтологической победе над смертью и духовные проповеди книг Упанишад. В-третьих, доказано, что в поздний период творчества Л. Н. Толстой приходит к религиозному синкретизму, посредством которого стремится утвердить общечеловеческие духовные ценности, сближающие всех людей земли.

EN

Leo Tolstoy's novella "The Death of Ivan Ilyich" in the context of religious syncretism (Christianity, Hinduism and Buddhism)

Anurag Kumar

Abstract. The purpose of the study is to identify the peculiarities of the mental state of the protagonist of the novella "The Death of Ivan Ilyich" in the "threshold" situation of transition from earthly attachment to death. The article establishes and reveals the religious foundation that served Leo Tolstoy as a value-based perspective in depicting the inner transformation of the protagonist before his death. Scientific originality lies in the fact that for the first time the protagonist's liberation from the fear of death is understood in the context of two religious and philosophical traditions, Russian and Indian. As a result of the research, firstly, it was established that Leo Tolstoy, when solving a thanatological problem, refers both to the Old and New Testament experience of understanding death as transfiguration, and to the spiritual practices of Hinduism and Buddhism, in the light of which death is perceived as liberation. Secondly, specific sources have been identified that influenced Leo Tolstoy's conceptualization of death: the Paschal Homily of St. John Chrysostom on the ontological victory over death and the spiritual sermons of the books of the Upanishads. Thirdly, it is proved that in his later period Tolstoy moved towards religious syncretism, through which he sought to establish universal spiritual values that bring all people of the earth closer together.

Введение

Повесть Л. Н. Толстого «Смерть Ивана Ильича» в контексте индуизма и буддизма воспринимается индийским читателем в оригинале, если он знает русский язык, и на хинди как своеобразная буддийская аллегория, как иносказательное утверждение посредством образной реальности еще большей – высшей – реальности, той незыблемой, вечно пребывающей истины духа (в категориях индуизма и в персонифицированном выражении – Брахмы), которая открывается человеку как сердечное знание на путях его испытания и постижения-откровения Истины.

Само экзистенциальное событие повести – освобождение человека от страха смерти, в пространстве русской культуры рассматриваемое в контексте христианской традиции, – это преображение героя, а в индийском восприятии в свете индуизма, буддизма – это его просветление, – обладает как универсально-обобщающим содержанием в сопряжении с обозначенными духовными влияниями, так и фактографической (Гудзий, 1936, с. 680-681; Линков, 1982, с. 460-461) и автобиографической (Воронин, 2022, с. 4) основами. Показательно в этом отношении пронизанное смертным ужасом письмо, отправленное Толстым 4 сентября 1869 года своей жене Софье Андреевне из Саранска: «...я ночевал в Арзамасе, и со мной было что-то необыкновенное <...> на меня нашла тоска, страх, ужас, такие, каких я никогда не испытывал. Подробности этого чувства я тебе расскажу впоследствии; но подобного мучительного чувства я никогда не испытывал, и никому не дай Бог испытать» (Толстой, 1984b, с. 683). Как показывает творческий путь Толстого, писатель преодолевает страх смерти, когда обнаруживает, что смерть совершается по воле Создателя и онтологически в глубине человеческой природы ведет к просветлению, к освобождению.

Этот экзистенциальный парадокс ухода-возвращения (таинство присутствия Бога/Брахмы в смерти, точнее – в жизни человека, преодолевающего ужас зависимости от смерти) очень точно уловил И. А. Бунин, когда написал очерк о Толстом, назвав его «Освобождение Толстого»: «“Совершенный, монахи, не живет в довольстве. Совершенный, о монахи, есть святой Высочайший Будда. Отверзите уши ваши: освобождение от смерти найдено”. И вот и Толстой говорит об “освобождении” <...> Для Толстого <...> осталось одно: Бог, осталось “освобождение”, уход, возврат к Богу, растворение – снова растворение – в нем» (Бунин, 1967, с. 7-8).

В более общем – философско-антропологическом – плане мысль о страхе смерти и его преодолении выразил Э. Беккер в работе «Отрицание смерти»: «...идея смерти, ее страх, преследует человеческий род как ничто другое. Это движущая сила его жизнедеятельности – той самой, что имеет своей целью избавить человека от смерти, преодолеть ее, отрицая тот факт, что смерть в каком-то смысле является последним человеческим предназначением» (Беккер, 2023, с. 9). По утверждению Э. Беккера, решение танатологической проблемы отдельным человеком зависит не только от психофизиологического «героизма» (раздел «Глубинная психология героизма» с. 31-186), но и от органической связи сознания с ценностными пластами культуры: «...что есть нечто, именуемое смертью, и забирающее людей навсегда» (Беккер, 2023, с. 33).

Другими словами, современная наука занимается тем, что волновало Толстого и что описано им в виде «арзамасского ужаса» смерти, а также как его варианты в «Записках сумасшедшего» (Толстой, 1936, с. 469-470), «Исповеди» (Толстой, 1957, т. 23, с. 14-15), «Смерти Ивана Ильича» (Толстой, 1936, с. 61-113), но главное – показаны пути его преодоления.

При этом основой художественного воплощения танатологической проблемы в поздних произведениях Толстого, как отмечают исследователи, становится «религиозно-философский синкретизм» (Лученецкая-Бурдина, 2016, с. 79-84), соединение христианских представлений, индуистской метафизики и буддийского учения в целостное духовное видение (Меситова, 2003, с. 81-99). Такое свойство нового толстовского мировидения в конце XIX – начале XX века получило название «миксотеизм», «смешение религиозных представлений различного рода, часто даже противоречащих друг другу», – черта, по определению Э. Геккеля, свойственная «тонко чувствующим людям» (1906, с. 150).

Однако, несмотря на, казалось бы, исчерпывающую изученность причин религиозно-философской трансформации мировоззрения Толстого (Гусейнов, 2015), конкретного влияния восточных религий на его взгляды (Шифман, 1971), круга чтения духовных книг и научной литературы о них (Серебряный, 2016), вопрос об особенностях художественного воплощения «миксотеистических» взглядов в повести «Смерть Ивана Ильича» остается открытым и до конца не проясненным. В решении данного «восточного» вопроса в толстоведении речь идет о том, что «В повести “Смерть Ивана Ильича” <...> находят свое выражение новые религиозные убеждения Толстого» (Гладышев, 2013, с. 53), что «Толстой близок с М. Хайдеггером, С. Кьеркегором, Ф. Ницше и другими европейскими мыслителями <...> пересмотревшими классические представления о жизни и смерти» (Жиляков, Иванов, 2018, с. 256), или, наоборот, что в ней преобладает «идеологическая программа народных рассказов» (Лученецкая-Бурдина, 2014, с. 191), «православная, народная точки зрения» (Андреева, 2022, с. 78). О. А. Ханзен-Лёве попытался выявить библейские аллюзии в повести и нашел только пародийные переключки, соотнеся «лесенку» Ивана Ильича, с которой он случайно упал и «боком стукнулся об ручку рамы» (Толстой, 1936, с. 79), с «лестницей Иакова» (и мимоходом увидел в ушибленном «боке» героя косвенный след Евы). Если в Библии говорится: «Ангелы Божии восходят и нисходят по ней» (1993, Быт. 28: 12), то О. А. Ханзен-Лёве считает, что Толстой пародирует священный текст: «Иван Ильич упал с небесной лестницы» (2011).

Более конкретные наблюдения и выводы о восточном – китайском – влиянии на художественную философию повести содержатся в статье В. Н. Крылова и Чжэна Сяояна (2021), проследивших отражение идей древнекитайских философов Лаоцзы и Конфуция в повести Толстого.

Попытку осмыслить «танатологический синтез» – проявление восточных, античных и христианских мотивов в повести «Смерть Ивана Ильича» – предпринимает С. А. Меситова. Но ее размышления о буддистских мотивах в повести не носят аргументированного характера, а сводятся к общему «хрестоматийному» рассуждению и даются без ссылок на соответствующие авторитетные источники (Меситова, 2003, с. 98).

Если в целом говорить о современном состоянии изучения в повести «Смерть Ивана Ильича» воплощенного художественного синтеза христианских и индо-буддийских представлений, ставших новой мировоззренческой основой в описании Толстым смерти, то данное состояние можно обозначить как начальный этап в изучении (Кумар, 2026) и как исследовательское намерение, о котором в свое время писала Н. А. Петрова: «Особая тема – взаимодействие христианских и буддийских мотивов у Толстого...» (2007, с. 15).

В связи с отмеченными нерешенными проблемами повести актуальность данного исследования объясняется рядом взаимосвязанных причин: во-первых, необходимостью рассмотрения повести «Смерть Ивана Ильича» в свете толстовского «религиозного синкретизма», выявления в ней художественно запечатленных христианских, индуистских и буддийских представлений о смерти; во-вторых, повышенным общественным интересом к танатологической проблематике как неизбежному феномену человеческого бытия, который как «сильное переживание» (Фрейд, 2006, с. 50-51) нуждается в дальнейшем индивидуально-личностном осмыслении и социокультурном типологическом обобщении. И наконец, в-третьих, с аксиологической точки зрения повесть Толстого содержит в себе неисчерпаемый гуманистический потенциал, востребованный и как художественно-эстетический феномен, и как универсальный источник в решении культурно-конвенциональных задач по психоментальной адаптации человека перед лицом страха смерти.

Для достижения обозначенной цели необходимо было решить следующие задачи: 1) раскрыть причины возникновения и описать основы «религиозного синкретизма» Толстого в поздний период его творчества; 2) установить типологическую общность глубинной правды Толстого о «смертном человеке», открывающуюся в контексте духовных традиций национальных культур, русской и индийской; 3) выявить и концептуализировать культурно-текстовые соответствия между душевными «танатологическими» переживаниями героя и духовным опытом преодоления смерти, который нашел свое запечатление в христианстве, индуизме и буддизме.

В процессе исследования использовались адекватные предмету рассмотрения методы, необходимые для решения поставленных задач: структурно-семиотический метод, побуждающий рассматривать текст как содержательное и взаимосвязанное во всех своих единицах целое; аксиологический метод, направленный на выявление и описание базовых психоментальных понятий, связанных с танатологической проблематикой; культурно-исторический метод, позволяющий выявить в анализируемых реалиях текста дополнительные смыслы только в соотношении с религиозно-философским контекстом; сравнительно-типологический метод, открывающий возможность определить универсальные общечеловеческие представления о смерти как духовном феномене национальных культур.

Теоретическую базу данного исследования составляют работы: 1) по танатологической проблеме, в которых смерть описывается и как онтологическая данность, и как экзистенциально-антропологическое событие (Клемен, 2002; Красильников, 2015; Кьеркегор, 2014; Моуди, 2005; Хен, 1999); 2) по общим вопросам индийской религиозной философии (Бернюкевич, 2009; Кожевников, 2002; Радхакришнан, 1993); 3) по проблеме «религиозного синкретизма» Толстого (Белая, 2001; Бердяев, 1912; Гусейнов, 2015; Серебряный, 2016; Шифман, 1971); 4) по проблеме толстовского понимания смерти (Горностаев, 1928; Зеньковский, 1912; Шестов, 1920); 5) по вопросам художественной аксиологии и структурно-семиотической целостности текста (Аверинцев, 2004; Есаулов, 1994; 2017; Осипова, 2011).

Материалами исследования послужили повесть Толстого «Смерть Ивана Ильича», сочинения индийской духовной традиции Бхагавадгита, Упанишады, труды С. Радхакришнана об индуизме и буддизме, а также тексты Священного писания и предания.

Практическая значимость определяется возможностью использования полученных результатов в вузовских курсах по истории русской литературы, а также в специальных курсах, посвященных сравнительно-историческому изучению базовых ценностей национальных литератур и культур.

Обсуждение и результаты

Художественное творчество всегда имеет дело с «двойной» субъектной целостностью – персонажа и автора: объективирующее слово автора о герое не устраняет его жизни в многомерном социокультурном пространстве и его «поисковой» идентичности. В этом смысле повесть Толстого «Смерть Ивана Ильича» уникальное явление: она воплощает и личный опыт преодоления страха смерти героем (а в биографической проекции – и автором), подпитываемый духовной почвой национальной культуры, и отражает глубинную правду о «смертном человеке», открывающуюся в контексте (в данном случае) индийской религиозно-философской традиции.

Антрополого-типологическим основанием, сближающим мировосприятие Толстого с индийской духовной традицией, является понимание и постижение Бога как духа жизни, наиболее полно выраженное писателем в трактате «Царство Божие внутри вас, или Христианство не как мистическое учение, а как новое жизненное непонимание» (Толстой, 1957, т. 28). На пантеистический характер «нового» мировоззрения Толстого очень точно указал магистр богословия Сергей Маргаритов, выступивший с обличением религиозных взглядов писателя: «Употребляя христианские термины “Бог-Отец”, “Сын Божий”, “Сын человеческий”, – Толстой соединяет с ними смысл пантеистический. Бог понимается им не как единый, личный Творец и Промыслитель мира, а как жизненная сила, разлитая всюду, как сущность жизни» (1910, с. 214). И сам Толстой в «Ответе на определение Синода от 20-22 февраля и на полученные мною по этому случаю письма» (4 апреля 1901) недвусмысленно и совершенно определенно утверждал: «Единого Бога – начало всего – не только не отвергаю, но ничего не признаю действительно существующим, кроме Бога, и весь смысл жизни вижу только в исполнении воли Бога, выраженной в христианском учении» (Толстой, 1984а, с. 203).

В вопросах преодоления страха смерти и постижения смысла «бессмысленной» жизни Толстой во многом солидаризируется с «выводами сильнейших умов человечества» (Толстой, 1984а, с. 132), искавших выход

из «тупиков» и «лабиринтов» самой жизни: «Истина была то, что жизнь есть бессмыслица <...> впереди ничего нет, кроме гибели <...> ничего нет впереди, кроме обмана жизни и счастья и настоящих страданий и настоящей смерти – полного уничтожения» (Толстой, 1984а, с. 117). Личный опыт переживания Толстым бессмыслицы жизни перед лицом смерти не был таким уж особым и уникальным: это опыт общечеловеческий, данный в высоких образцах человеческого духа. Так, сомнение в оправданности бытия выражал даже Пушкин, хотя его поэзия по преимуществу пронизана чувством всепобеждающего оптимизма: «Дар напрасный, дар случайный, / Жизнь, зачем ты мне дана?» (Пушкин, 1977, с. 59); «Жизни мышья беготня... / Что тревожишь ты меня?» (Пушкин, 1977, с. 186). Толстой в своих пессимистических переживаниях солидаризировался и с безрадостными выводами Екклесиаста: «И оглянувшись я на все дела мои, которые сделали руки мои, и на труд, которым трудился я, делая их: и вот, всё – суета и томление духа, и нет *от них* пользы под солнцем!» (Еккл. 2: 11); «...мудрый умирает наравне с глупым. И возненавидел я жизнь, потому что противны стали мне дела, которые делаются под солнцем; ибо всё – суета и томление духа!» (Еккл. 2: 16-17).

Изображение Толстым в повести «Смерть Ивана Ильича» героя, столкнувшегося с неизбежностью смерти, можно соотнести не только с национальной и еклезиастической традицией, но и с индийскими философскими взглядами на человека, включенного в круговорот жизни и проходящего на пути постижения истины стадии перерождений (сансары), отрешенности и освобождения (нирваны или мокшы).

Как пишет С. Радхакришнан (1993а, с. 192), в индуизме сущностью жизни человека является его религиозный опыт, который по структуре ценностно иерархичен, а по динамике представляет собой восхождение, «рост религиозного сознания»: вне религиозного сознания человек не существует. На первой стадии роста человек пользуется рациональным мышлением, чтобы прийти к «логическим выводам», которые принимаются им как истины. «Для высшего религиозного сознания, – пишет С. Радхакришнан, – реальное не является результатом вывода, а чем-то данным» (Радхакришнан, 1993а, с. 192). На этом пути религиозного роста человек должен «превратить логическую идею в духовное восприятие <...> Здесь происходит интенсивная реализация, которая, пробиваясь через все бытие, становится с Богом как бы единой. Поклоняющийся становится близким тому, чему он поклоняется. Объект становится не только содержанием сознания, но самим сознанием созерцающего. Трансформация ума мыслится в смысле трансформации самого существования. Упанишады говорят нам об интуиции меньших божеств, как и об экстатической интуиции Брахмана. Мы должны интуитивно познать Брахмана, чтобы стать Брахманом <...> религия упанишад настаивает на преобразовании всей природы человека» (Радхакришнан, 1993а, с. 192-193).

Очень важным в свете критики Толстым догматического богословия и ритуалов (Толстой, 1957, с. 60-303) является утверждение С. Радхакришнана о личностном «чувстве благоговения и любви к великому духу»: «...высшая религия упанишад, которая настаивает на созерцании морали и поклонении Богу душой и чистым сердцем, не обременена такими догмами и чудесами, которые присущи другим религиям <...> существует только единая высшая реальность, которая проявляется во вселенной, не утверждается как догма <...> Религия упанишад – это чувство благоговения и любви к великому духу» (Радхакришнан, 1993а, с. 194).

Если переходить к буддийскому миропониманию, то целью Будды, развивающего накопленный опыт индуизма и обосновавшего духовную практику буддизма, было желание выразить как «презрение к обрядности», так и главным образом «подчеркнуть этический универсализм упанишад» (Радхакришнан, 1993а, с. 306).

Можно сказать, проводя объясняющую аналогию, что Будда «екклесиастически» сгущает краски («...всё – суета и томление духа, и нет *от них* пользы под солнцем!» (Еккл. 2: 11)), «переоценивает мрачную сторону вещей» (Радхакришнан, 1993а, с. 309). Однако мудрость Будды (как и Екклесиаста) в другом: не в сгущении серых картин жизни в мрачно-безысходные, а в высвобождении духа тех, кто прошел испытание обреченностью. Будда «верит в освобождающую силу нравственного воспитания и в способность человеческой природы к усовершенствованию <...> Он требует от нас, чтобы мы восстали против зла и достигли в жизни более высокого состояния...» (Радхакришнан, 1993а, с. 309-310).

Толстой, пережив «арзамасский ужас» смерти, в дневниковой записи от 3 января 1904 года задает себе тот же самый «страшный» вопрос о смерти, но дает на него уже в ее отрицании утвердительный ответ: «Боюсь ли я смерти? Нет...» (Толстой, 1985, с. 164).

Толстовское переживание смерти как особого акта причащения становится сродни индуистскому откровению Бхагавадгиты и Упанишад: «Когда гибнут тела, Воплощенный ни в одном из них не умирает» (Бхагавадгита 2:30, 1999, с. 19); «На небесах нет страха – тебя нет там, [и] никто не боится старости» (Катха Упанишад, 1992, с. 98). Менее радостно, но столь же по финалу оптимистично рассматривает смерть как неотъемлемую часть человеческого существования буддийская мысль. Смерть понимается не как конец души, а всего лишь как конец «этого» тела; смерть – только переход к новому существованию и страданию, что присуще всем человеческим существам. Буддийская концепция непостоянства (анитья) является центральным постулатом буддийской философии и подчеркивает преходящесть всех явлений, включая жизнь. Анитья (अनित्य – anitya – на санскрите; अनिच्चा – aniccā – на пали) – составное слово, где 'अ' = 'a' означает «не», а 'नित्य' = nitya означает «постоянный, неизменный», что и дает в совокупности «непостоянный». Анитья относится к чему-то непостоянному. Анитья также имеет схожее значение и в индуизме, встречается в Упанишадах и получает такой комментарий: «...это сокровище непостоянно – ведь та постоянная сущность не может быть достигнутой через непостоянные вещи <...> сокровище анитям [правильнее – анитях] непостоянно. <...> то сокровище, что зовется высшим Я» (Шри Шанкарачарья, 1. 2. 10).

Исследование Толстым смертности Ивана Ильича является мощной иллюстрацией аниты. Буддийские учения подчеркивают неизбежность смерти, ожидание которой вызывает страдание: оно в буддизме и индуизме передается понятием «дуккха» = страдание (दुःख – dukkha – на санскрите; दुह्क – duhkha – на пали): «Первая Благородная истина, провозглашенная Буддой, объявляет всякое бытие страданием» (Бурмистров, 2019, с. 70). Дуккха – это фундаментальный аспект человеческого опыта, возникающего из-за привязанности к меркантильным ценностям жизни. Страдания Ивана Ильича – прямой результат его привязанности к «небытию», «временности бытия» в вечной жизни, невозможности преодолеть этот разрыв из-за страха смерти. Его неспособность принять смерть не только как неизбежность физического исчезновения, но и как духовного события освобождения приводит к экзистенциальной тревоге. Такое «промежуточное», неопределенное состояние героя находит свое объяснение в буддийской концепции дуккха. Изображение Толстым страданий Ивана Ильича служит предостережением против привязанности, подчеркивает важность отрешенности перед лицом непостоянства. Буддизм учит, что привязанность к жизни как процессу сменяющихся явлений ведет к увековечиванию страданий (психосоциальных состояний), к принятию их как онтологического («постоянного») события, укорененного в саму сущность бытия. Но цель буддизма не ограничивается освещением того, что такое смерть как страдание. Он намерен научить, как быть перед лицом смерти, как реагировать на факт существования смерти и – главное – как выйти из состояния тревоги, страха, «вечной» привязанности к потоку жизни, – прийти к «освобождению».

Буддийские настроения – мотивы непостоянства, привязанности и мотивы преодоления страха и тревоги – Толстой учитывает, изображая событие смерти героя как социальный и как духовный процессы. Первоначальное отрицание героем своей болезни, своей смертности и последующее отчаяние перед лицом смерти иллюстрируют человеческую привычку сопротивляться неизбежности смерти. Буддийская же философия побуждает человека противостоять смерти по-другому: он должен принять ее как жизненное событие – принять непостоянство «привязанностей» к жизни в положительном ключе, как катализатор (как «подсказку») духовного роста и стремления к освобождению от цикла страданий.

Иван Ильич с момента осознания своего умирания, неизбежности собственной смерти становится в какой-то степени бунтарем, оценивает в перспективе «освобождения» в другом – негативном и, как оказывается, в подлинном – свете формы социальных привязанностей: жизненных удовольствий статусного человека, карьерно-служебной заинтересованности коллег и «тепла» семейного лицемерия. С первого осознания того, что его жизнь подходит к концу, он восстает против естества самой смерти как физического исчезновения. Знаменитый силлогизм, который он выучил из учебника логики Кизеветтера: «Кай – человек, люди смертны, следовательно, Кай смертен» (Толстой, 1936, с. 92), – казалось ему, не имеет отношения к его существованию и к его социально-обеспеченной жизни. С одной стороны, социально-обеспеченная жизнь поспособствовала формированию его убеждения, что она является защитой от смерти. С другой – Иван Ильич чувствует, что силлогизм о Кае – это абстрактная формула, суждение о «вообще человеке» – не имеет отношения к его экзистенции, к самым сокровенным и драгоценным событиям, поступкам, действиям его жизни, к теплоте его переживания своей индивидуальности: «...он всегда был совсем, совсем особенное от всех других существо» (Толстой, 1936, с. 93). Свою особенность существования Иван Ильич объясняет привязанностью к семейному кругу: «...он был Ваня» (Толстой, 1936, с. 93).

Все эти экзистенциальные аргументы подводят его к выводу о собственном «бессмертии»: «И не может быть, чтобы мне следовало умирать» (Толстой, 1936, с. 93).

Силлогизму о неизбежности смерти Кая как человека Иван Ильич противопоставляет житейскую «логику», опыт своей счастливой жизни. Но все эти убедительные размышления о невозможности собственной смерти оказываются (как вдруг осознает Иван Ильич) «ходами» логики и «комфортного» чувства, заслонявших очевидность всеобщности и неизбежности смерти, личного умирания. В изображении такого экзистенциального изменения героя Толстой сближается с буддизмом. Для буддизма как бы все равно, какая привязанность удерживает человека: социально-функциональная, ролевая или семейная, наполненная нежностью домашнего общения и совместного преодоления печалей и невзгод, – все равно человек умирает. Первоначальное отрицание Иваном Ильичом своей болезни и последующее отчаяние иллюстрируют человеческую тенденцию сопротивляться неизбежности смерти.

Закономерность социального продвижения по социальной лестнице, повышения по службе обеспечивают ему чувства защищенности от страданий. Но случай как событие, разрушающее привычный ход жизни, ее сложившуюся закономерность, посылает испытание Ивану Ильичу. Причем, когда он упал с лестницы и ушиб бок, он не придает этому значения, находя убедительные аргументы в пользу своей исключительности – он не такой, как все: «Я недаром гимнаст...» (Толстой, 1936, с. 80).

Толстой, следуя буддийской традиции «перехода» от «Я» к «не-я», изображает процесс преображения Ивана Ильича, обретения им другой правды. Обретение «другой правды», «другой веры» у Ивана Ильича связано с постепенным пониманием, прозрением, что помимо социального, где господствует принцип холодного прагматически служебного отношения, «которое может быть выражено на бумаге с заголовком» (Толстой, 1936, с. 80), и даже личного семейного пространства, где господствуют чувства привязанности, где, «по его вере, должна была протекать жизнь: легко, приятно и прилично» (Толстой, 1936, с. 80), есть «правда природы».

Последние три дня его мучительной жизни проходят под знаком боли, корчи и страдания. По мере того как усиливаются страдания Ивана Ильича, приближающие его к смерти, появляется осознание высшего смысла жизни, который он выражает словами: «Как хорошо и как просто... А боль?.. Ее куда? Ну-ка, где ты, боль?.. А смерть?.. Где она?.. Какая смерть? Страху никакого не было, потому что смерти не было» (Толстой, 1936, с. 113).

Эти риторические вопрошания Ивана Ильича удивительным образом согласуются с такими же вопрошаниями, которые содержатся в Огласительном слове Иоанна Златоуста, звучащем в последней части пасхальной литургии (Последование, 2010, с. 30): «Взялъ тѣло, а нашель Бога, взялъ землю, а встрѣтилъ небо <...> *Гдѣ ти, смерте, жало? Гдѣ ти, аде, побѣда?*» (Иоанн Златоуст, 1902, т. 8, кн. 2, с. 924).

Слова Иоанна Златоуста о победе над смертью («Гдѣ ти, смерте, жало? Гдѣ ти, аде, побѣда?») восходят к Первому посланию к коринфянам апостола Павла: «...поглощена смерть победою. Смерть! где твое жало? ад! где твоя победа?» (1 Кор. 15: 54-55).

Знакомство Толстого с христианским догматом о «поглощении смерти победою» не вызывает сомнения. Писатель в «Исповеди» признается: «Я был крещен и воспитан в православной христианской вере. Меня учили ей и с детства и во всё время моего отрочества и юности» (Толстой, 1957, с. 1).

Более того, в сочинении «В чем моя вера?» (1884) Толстой неоднократно обращается к посланиям апостола Павла, в том числе к Первому посланию к коринфянам (к 15-й главе): «Читаю послания апостола Павла...» (Толстой, 1957, с. 323); «В послании Коринфянам I, XV...» (Толстой, 1957, с. 350); «Чтобы поверить себя, я справляюсь с контекстами и нахожу <...> в Первом послании Павла коринфянам разъяснение...» (Толстой, 1957, с. 353). А в «Исследовании догматического богословия» (Толстой, 1957, с. 60-303) Толстой, несмотря на полемический настрой по отношению ко многим высказываниям апостола Павла и Иоанна Златоуста, разделяет не их учение, ставшее основой учения церкви («Учение о церкви учительской есть теперь учение чисто враждебное христианству» (Толстой, 1957, с. 301)), а дух жизни, утверждаемый подвигом Христа, который под силу, по мысли Толстого, всякому человеку: «Для того, кто понял учение Иисуса, оно в том состоит, что мне, моему свету, дано идти к свету, мне дана моя жизнь. И кроме ее и больше ее ничего нет, кроме источника всякой жизни – Бога. <...> я эту жизнь могу сделать жизнью самой в себе бесконечной» (Толстой, 1957, с. 302). И отвечая на вопрос «В чем моя вера?», Толстой утверждает: «Вера, побеждающая мир, есть вера в учение Христа. <...> Я верю в учение Христа, и вот в чем моя вера» (Толстой, 1957, с. 453).

В связи с новыми религиозными взглядами Толстого, получившими свое выражение в отрицании церковной догматики и в признании только духа жизни как дара свыше («Ищите царства небесного и правды его в своей душе, и всё будет хорошо» (Толстой, 1957, с. 301)), можно говорить о появлении в повести узнаваемого индийским читателем концепта «не-я» – Анатман. Иван Ильич понимает, что у него никогда не было подлинной духовной личности, и его самоощущение не фиксировано на постоянном и неизменном, а является продуктом его меняющегося социального и карьерного опыта и эгоистического восприятия. Изображение Толстым внутренней борьбы Ивана Ильича отражает буддийскую концепцию анатмана (अनात्मन् на санскрите). Как пишет буддийский философ Нагарджуна: «Самость не находится в совокупностях [тела, речи и ума], но и не находится вне их» (Nagarjuna, 1995, р. 49). Он признает, что, хотя его жизнь не была идеальной, всегда оставалась надежда на ее улучшение (De Blasio, 2014). В отчаянии герой спрашивает себя: «Чего тебе нужно?» (Толстой, 1936, с. 106). И с надеждой отвечает: «...жить, как я жил прежде: хорошо, приятно» (Толстой, 1936, с. 106). Приближающаяся смерть Ивана Ильича показана как нравственный рычаг огромной силы, заставляющий поверхностного и самодовольного социального человека, каким был герой повести, столкнуться с реальностью, с той очевидностью перед лицом смерти, что вся его прошлая жизнь была пустой тратой времени, нравственной пустыней, и он воспринимает смерть как окончательное решение своих страданий (Mc Lean, 2008, р. 208-209). Он осознает, что, как и его жизнь, его смерть, вероятно, доставит некоторые неприятности его семье, но в конечном итоге они получают облегчение. «Да, я мучаю их, – подумал он. – Им жалко, но им лучше будет, когда я умру» (Толстой, 1936, с. 112).

Как видим, страдания Ивана Ильича, как физические, так и эмоциональные, служат катализатором его духовных поисков, которые Толстым озаряются светом не только христианского откровения, но и индуистского и буддийского учений о непостоянстве «вещности», о природе страдания и пути освобождения. Неподлинная, не озаренная светом истины привязанность героя к своему социальному статусу, к материальным ценностям и лицемерным семейным отношениям только усиливают его страдания, подтверждая тем самым буддийский принцип, согласно которому привязанность является первопричиной бедствия. Такое осознание Ивана Ильича является ключевым аспектом буддийской концепции анатмана. Принятие того факта, что «я» не постоянно, а постоянно меняется, а также мудро-смирненное признание справедливости данного факта пробуждает в герое чувство отрешенности и открывает путь к восприятию смерти как «освобождения».

Как показывает Толстой, «евхаристическое приятие» (Gerasimova, Kulikova) Иваном Ильичом истины делает возможным его обращение от жалости к себе к состраданию и от жизни, одержимой сохранением своего *amour-propre*, к жизни, посвященной другим. Теперь, впервые за всю свою взрослую жизнь, он способен действовать по золотому правилу Евангелия: «Итак, во всём, как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними, ибо в этом закон и пророки. Входите тесными вратами, потому что широки врата и пространен путь, ведущие в погибель, и многие идут ими» (Мф 7:11-13). Иван Ильич, как показывает Толстой, обретает Истину вечной жизни, идя «тесными вратами».

Заключение

В результате проведенного исследования, поэтапного решения поставленных задач можно сделать определенные выводы как итогового, так и перспективного характера.

Повесть Толстого «Смерть Ивана Ильича» (1886) стала выражением нового религиозно-художественного сознания писателя, изобразившего в свете идей «религиозного синкретизма» умирание героя как его освобождение и преображение. В художественной форме она воплотила в себе то, что писателем было выстрадано в мучительном поиске всеобщей истины.

В 1880-1890-е годы Толстой переживает религиозный кризис, обусловленный осознанием конфессиональной замкнутости христианства и возникающим на этой почве желанием выработать универсальную всечеловеческую религию. Такое стремление писателя получило свое выражение в «религиозном синкретизме» (в «миксотеизме»): в мировоззренческом синтезе христианских взглядов, индуистской метафизики и буддийской психологии. Разделяя заповеди Христа, идя путем христовой любви, Толстой пересмотрел догматику христианства и пришел к пониманию единого Бога как духа жизни, в котором преодолевается даже смерть в личном опыте переживания. Выход духовной мысли Толстого на пантеистический уровень позволил ему органично принять истины восточных религиозно-философских систем.

Критикуя ритуализированное христианство, Толстой приходит к утверждению универсальной правды человечества, данной в учении Христа, индуизма и буддизма, лишенной, с одной стороны, чрезмерной зависимости от социальных желаний (в аскетической практике христианства и в этике буддизма), с другой – наполненной личностным чувством благоговения и любви к великому духу.

Отступая от догмата воскресения (в христианстве), Толстой мыслит личностное преодоление страха смерти как восстановление в чистоте сердца вечной жизни, исходящей от вечно одухотворенного бытия (индуизм, буддизм), как достижение в экзистенциальном опыте переживания «Царства Божия внутри нас». Такое отношение к жизни и смерти Толстой назвал «новым жизнепониманием», которое, вобрав в себя нравственный опыт христианства, индуизма и буддизма, открывается человеку на путях страдания, преодоления страха смерти как акт высвобождающегося вечного духа, как проявление способности человеческой природы к усовершенствованию.

Таким образом, повесть Толстого «Смерть Ивана Ильича» не только является изложением обыкновенной истории о жизни и смерти отдельного человека, но и становится уникальным источником опыта духовного освобождения человека и от излишней социальной зависимости, и от страха смерти. В таком своем значении повесть оказывается «мировым событием», открывающим неисчерпаемые перспективы сравнительно-исторического и типологического изучения с привлечением как других «танатологических» произведений Толстого, так и тематически близких произведений русских и зарубежных писателей. Ближайшая исследовательская задача связана с изучением в сравнительно-сопоставительном аспекте танатологической проблематики повестей Толстого «Смерть Ивана Ильича», «Крейцерова соната» и «Дьявол».

Материалы исследования | Research materials

1. Библия: Книги Священного писания Ветхого и Нового завета. М.: Библейское общество, 1993.
2. Бунин И. А. Собрание сочинений: в 9 т. М.: Художественная литература, 1967. Т. 9.
3. Бхагавадгита / пер. с санскрита, исслед. и примеч. В. С. Семенцова. Изд-е 2-е, испр. и доп. М.: Восточная литература, 1999.
4. Иоанн Златоуст. Слово огласительное во Святую Пасху // Творения святого отца нашего Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского. СПб: Издание Санкт-Петербургской Духовной Академии, 1902. Т. 8. Кн. 2. https://russportal.ru/index.php?id=church_fathers.john_chrysostom08_1902_134
5. Катха Упанишада // Упанишады: в 3 кн. / пер. с санскр., предисл. и комм. А. Я. Сыркина. М.: Наука; Главная редакция восточной литературы; Ладомир, 1992. Кн. 2.
6. Кьеркегор С. Болезнь к смерти. Изд-е 2-е / пер. с дат. Н. В. Исаевой, С. А. Исаева. М.: Академический проект, 2014.
7. Последование во святую и великую неделю Пасхи и во всю светлую седмицу. Пасхальные песнопения обихода московской традиции. М.: СофтИздат, 2010.
8. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 10 т. Л.: Наука, 1977. Т. 3.
9. Радхакришнан С. Индийская философия: в 2 т. М.: Миф, 1993а. Т. 1.
10. Радхакришнан С. Индийская философия: в 2 т. М.: Миф, 1993b. Т. 2.
11. Толстой Л. Н. Исследование догматического богословия // Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 90 т. М.: Гослитиздат, 1957. Т. 23. Произведения 1879-1884 гг.
12. Толстой Л. Н. Смерть Ивана Ильича // Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 90 т. М.: Гослитиздат, 1936. Т. 26. Произведения. 1885-1889.
13. Толстой Л. Н. Царство Божие внутри вас. 1890-1893 // Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 90 т. М.: Гослитиздат, 1957. Т. 28.
14. Толстой Л. Н. Дневники // Толстой Л. Н. Собрание сочинений: в 22 т. М.: Художественная литература, 1985. Т. 22.
15. Толстой Л. Н. Письма 1842-1881 // Толстой Л. Н. Собрание сочинений: в 22 т. М.: Художественная литература, 1984а. Т. 17.
16. Толстой Л. Н. Письма 1842-1881 // Толстой Л. Н. Собрание сочинений: в 22 т. М.: Художественная литература, 1984b. Т. 18.

17. Упанишады: в 3 кн. / пер. с санскр., предисл. и коммент. А. Я. Сыркина. М.: Наука; Главная редакция восточной литературы; Ладомир, 1992.
18. Фрейд З. Лекции по введению в психоанализ и новый цикл. М.: Фирма СТД, 2006.
19. Шри Шанкарачарья. Катха Упанишад Бхашья / пер. Д. М. Парозы. https://studopedia.net/2_1197_shri-shankaracharya-katha-upanishad-bhashya.html

Источники | References

1. Аверинцев С. С. Поэтика ранневизантийской литературы. СПб.: Азбука-классика, 2004.
2. Андреева В. Г. Повесть Л. Н. Толстого «Смерть Ивана Ильича»: изменение концепции от первоначального замысла к итоговому тексту // Вестник Череповецкого государственного университета. 2022. № 3 (108). <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2022-3-108-6>
3. Белая И. А. Буддизм как теоретический источник учения сознания жизни Л. Н. Толстого // Этическая мысль: сборник. М.: Институт философии Российской академии наук, 2001. Вып. 2.
4. Бердяев Н. А. Ветхий и Новый Завет в религиозном сознании Л. Толстого // О религии Льва Толстого: сборник. М.: Типография Императорского Московского университета, 1912.
5. Бернюкевич Т. В. Буддизм в российской философской культуре: «чужое» и «свое». М.: ЛИБРОКОМ, 2009.
6. Беккер Э. Отрицание смерти / пер. с англ. А. Ерыкалина. М.: АСТ, 2023.
7. Бурмистров С. Л. Категория страдания в буддизме и брахманистской философии // Письменные памятники Востока. 2019. Т. 16. № 3. Вып. 38.
8. Воронин В. С. Взаимопревращения пространства и времени в повести Л. Н. Толстого «Смерть Ивана Ильича» // Грани познания. Электронный научно-образовательный журнал Волгоградского государственного социально-педагогического университета. 2022. № 1 (78). <http://grani.vspu.ru/files/publics/1645623216.pdf>
9. Геккель Э. Мировые загадки. Общедоступные очерки по монистической философии. Лейпциг – СПб.: А. Миллер; Мысль, 1906.
10. Гладышев А. К. Интерпретация мотива смерти в повести Л. Н. Толстого «Смерть Ивана Ильича» // Уральский филологический вестник. 2013. № 5.
11. Горностаев (Горский) А. К. Перед лицом смерти. Л. Н. Толстой и Н. Ф. Федоров. Харбин, 1928.
12. Гудзий Н. К. «Смерть Ивана Ильича». История писания и печатания // Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 90 т. М.: Гослитиздат, 1936. Т. 26. Произведения. 1885-1889.
13. Гусейнов А. А. Чем был обусловлен и в чем заключался духовный переворот Льва Николаевича Толстого? // Философский журнал. 2015. Т. 8. № 4.
14. Есаулов И. А. Литературоведческая аксиология: опыт обоснования понятия // Проблемы исторической поэтики. 1994. Т. 3. https://poetica.pro/journal/content_list.php?id=3745
15. Есаулов И. А. Русская классика: новое понимание. Изд-е 3-е, испр. и доп. СПб.: Русская христианская гуманитарная академия, 2017.
16. Жиялков С. В., Иванов П. П. Экзистенциальная тема смерти в повести Л. Н. Толстого «Смерть Ивана Ильича» // Наука и образование: отечественный и зарубежный опыт: сборник статей Международной научно-практической конференции (г. Белгород, 28 сентября 2018 г.). Белгород: ГиК, 2018.
17. Зеньковский В. В. Проблема бессмертия у Толстого // О религии Льва Толстого: сборник. М.: Типография Императорского Московского университета, 1912. Сборник 2.
18. Клемен К. Жизнь мертвых в религиях человечества. М.: Интрада, 2002.
19. Кожевников В. А. Буддизм в сравнении с христианством. М.: Грааль, 2002.
20. Красильников Р. Л. Танатологические мотивы в художественной литературе. Введение в литературоведческую танатологию. М.: Языки славянской культуры, 2015.
21. Крылов В. Н., Чжэн Сяоян. Размышление о смерти в повести Л. Н. Толстого «Смерть Ивана Ильича» // Казанский лингвистический журнал, 2021. Т. 4. № 2.
22. Кумар А. Русско-индийские религиозные коды прочтения повести Л. Н. Толстого «Смерть Ивана Ильича» // Russian Linguistic Bulletin. 2026. № 2 (74). <https://rulb.org/archive/2-74-2026-february/10.60797/RULB.2026.74.9>
23. Линков В. Я. Комментарии // Толстой Л. Н. Собрание сочинений: в 22 т. М.: Художественная литература, 1985. Т. 22.
24. Лученецкая-Бурдина И. Ю. Духовный опыт и литературная практика Л. Н. Толстого 1880-1890-х годов // Духовно-нравственные основы русской литературы: сборник научных статей. Кострома: Костромской государственный университет имени Н. А. Некрасова, 2016.
25. Лученецкая-Бурдина И. Ю. Реконструкция художественного целого в повестях Л. Н. Толстого 1880-1890-х гг. // Ярославский педагогический вестник. Гуманитарные науки. 2014. Т. 1. № 2.
26. Маргаритов С. Д. История русских мистических и рационалистических сект. Изд-е 3-е. Симферополь: Таврическая губернская типография, 1910.
27. Меситова С. А. Этическая танатология Л. Н. Толстого: дисс. ... к. филос. н. Тула, 2003.
28. Моуди Р. Жизнь после жизни. М.: София, 2005.
29. Осипова Н. О. Структурно-семиотический подход как аспект методологии гуманитарного знания // Культурологический журнал. 2011. № 3 (5).

30. Петрова Н. А. Предмет в пространстве между смертью и жизнью (о прозе Алексея Апухтина) // *Przegląd Rusycystyczny*. 2007. № 2.
31. Серебряный С. Д. Лев Толстой и буддизм // *Вестник Бурятского государственного университета. Гуманитарные исследования Внутренней Азии*. 2016. Вып. 3.
32. Ханзен-Лёве О. А. В конце туннеля... Смерти Льва Толстого // *Новое литературное обозрение*. 2011. № 3 (109). <https://magazines.gorky.media/nlo/2011/3/v-koncze-tunnelya-8230-smerti-lva-tolstogo.html>
33. Хен Ю. В. Современные мифы о смерти // *Идея смерти в Российском менталитете* / отв. ред. Ю. В. Хен. СПб.: Русская христианская гуманитарная академия, 1999.
34. Шестов Л. И. Откровения смерти. (Последние произведения Л. Н. Толстого) // *Современные записки. Ежемесячный общественно-политический и литературный журнал*. Париж. 1920. № 1.
35. Шифман А. И. Лев Толстой и Восток. М.: Наука, 1971.
36. De Blasio A. "Nothing in Life but Death": Aleksandr Zel'dovich's "Target" in Conversation with Lev Tolstoy's Philosophy of the Value of Death // *The Russian Review*. 2014. Vol. 73. № 3.
37. Mc Lean H. In Quest of Tolstoy. Boston: Academic studies press, 2008.
38. Nagarjuna. *Mulamadhyamakakarika* / trans. by J. L. Garfield. N. Y.: Oxford University Press, 1995.
39. Gerasimova S., Kulikova E. Death as a Semiotic Issue: Leo Tolstoy and Fyodor Dostoyevsky // *Advances in Social Science, Education and Humanities Research: Proceedings of the 8th International Conference on Education, Language, Art and Inter-cultural Communication*. Atlantis Press, 2021. Vol. 652. <https://doi.org/10.2991/as-sehr.k.220306.031>

Информация об авторах | Author information

RU

Кумар Анураг¹

¹ Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева

EN

Anurag Kumar¹

¹ Samara National Research University named after Academician S. P. Korolev

¹ anuragkmonu@gmail.com

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 15.12.2025; опубликовано online (published online): 06.04.2026.

Ключевые слова (keywords): религиозный синкретизм Л. Н. Толстого; смерть как преображение; христианская традиция; духовные практики индуизма и буддизма; Leo Tolstoy's religious syncretism; death as a transformation; Christianity as a tradition; spiritual practices of Hinduism and Buddhism.